

ВОПЛОЩЕНИЕ «ДЬЯВОЛЬСКОГО» В ПЬЕСЕ З.Н.ГИППИУС «НЕТ И ДА»

Творческое наследие З.Н. Гиппиус велико и многогранно. Только в последние годы вышли в свет исследования, посвященные ее публицистике и критике, но драматургия и по сей день остается почти неизвестной и неоцененной частью наследия писателя.

В последние годы к изучению наследия З.Н.Гиппиус обращались отечественные и зарубежные исследователи. В работах Ю. Носовой [11], М. Орловой [12], предпринимается попытка изучения отдельных сторон ее творчества. Ю.В. Носова обратилась к изучению драматургии З.Н. Гиппиус при подготовке диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения: акцент ею сделан на театральной, а не литературной специфике текстов. В работе М.В. Орловой «Литературная критика З.Н. Гиппиус: К вопросу об эстетических позициях» (Коломна, 2006) [12] рассматривается наследие писательницы как литературного критика. В диссертации М.А. Гарбар «Творчість З.М. Гіппіус 1911 – 1921 рр.» (Харьков, 2001) [2] изучается творчество писательницы на одном из этапов его развития. Драматургия не представляла для автора работы специального интереса: исследователь рассматривает лишь пьесу «Зеленое кольцо», да и то с точки зрения ее идейного содержания. О.В. Жарикова в диссертационном исследовании «Поетика та естетика З.М. Гіппіус» (Днепропетровск, 2005) к драматургии не обращается вообще [9].

В драматургии З.Н. Гиппиус воплотились основные идеи разных этапов ее творчества, она пронизана ее излюбленными мотивами, вступает в перекличку с русской и европейской драматургией той поры. Гиппиус-драматург переосмысливает опыт реалистического театра и одновременно пролагает пути к созданию театра будущего, в котором роль автора будет меньшей, чем роль режиссера и актеров, что не было свойственно русскому театру того времени.

Пьеса «Нет и да» является одной из самых сложных пьес в наследии Гиппиус З.Н. Идеей «соединения несоединимого» пронизано всё творчество писательницы, она верила в возможность объединения «нет» и «да», в союз двух бездн: светлого и темного в библейском понимании, союз, который сделает возможным «Царство Божие» на земле. Впервые опубликована в журнале «Золотое руно» в 1906 г., пьеса «Нет и да» стала одной из «наименее написанных» в её драматургии: текст помещается на пяти страницах книжного текста и производит впечатление отрывка без начала и конца. Диалог трёх персонажей, собственно, составляет содержание этого маленького драматургического произведения. Этими тремя персонажами являются Вад, господин Лило – главный герой и Дюфи.

Л.М. Азадовский и А.В. Лавров пишут: «создавая своих персонажей во многом – и, как правило, довольно открыто, – следовала за своим любимым писателем – Достоевским... В литературном кругу, в котором постоянно вращались Гиппиус, Достоевский был постоянной темой... В психологических «узлах» Достоевского, в мучительных и запутанных историях его героев, в их устремлённости к истине Гиппиус черпала вдохновение для собственных опытов. Отдельные её персонажи и сюжеты кажутся порою списанными с Достоевского. Так, противостояние главных героев в «Зеркалах» явно проецируется на взаимоотношения князя Мышкина, Настасьи Филипповны и Рогожина в «Идиоте». Очевидную попытку перенесения сюжетной коллизии «Бесов» в русскую действительность после 1905 года представляет собой роман Гиппиус «Роман-царевич» (1912)...

С Достоевским связано и настойчивое обращение Гиппиус к образу «чёрта» (рассказы «Иван Иванович и чёрт», «Он – белый»). Она связывает с ним не только смерть, или безверие, или «плоть», но и, вслед за Достоевским, духовную апатию, косность, вселенскую «пошлость» [1, с. 2].

Таковую же «попытку перенесения» мы видим в пьесе «Нет и да». Романы Достоевского «Преступление и наказание», «Бесы» и «Братья Карамазовы» входят в текст как составляющие внутреннего плана произведения.

Вот внешность господина Лило: «...плотный господин с черной бородой веером. Спокойный, румяный, средних лет. Неизвестной национальности». А вот описание черта Ивана Карамазова в части IV романа (глава «Черт. Кошмар Ивана Федоровича»): «Там вдруг оказался сидящим некто... Это был какой-то господин или, лучше сказать, известного сорта русский джентльмен, лет уже не молодых, «qui frisait la cinquantaine», как говорят французы, с не очень сильной проседью в темных, довольно длинных и густых еще волосах и в стриженной бородке клином» [7, т. 10, с. 160].

То, как он говорит с Иваном Карамазовым, напоминает манеру говорить господина Лило: «ласково усмехнулся джентльмен», «хе-хе», «позволь, позволь, я тебя уличу», «бранишься, а сам смеешься – хороший знак», «понимаю, понимаю», «очень буду рад», «с деликатностью и достоинством проговорил джентльмен», «припадке некоторой чисто приживальщицкой и вперед уступчивой и добродушной амбиции начал гость», «заметил джентльмен с развязно-небрежным, но совершенно дружелюбным, однако, видом», «переспросил гость с удивлением» [7, т. 10, с. 162 - 167] и др.

Господин Лило обращается к Дюфи: «Чего бы я такого не знал?», «Да сядьте же... Хотите кофе?», «(с любопытством) Узнали? Что же вы узнали?», «Ну, чему случаться?», «веселым, веселым голосом», «изумительно!», «э, полноте!», «искренне жалею, мой милый», «ну, так убивайте меня скорее! Нет? И этого не можете?» [4, с. 38 - 41].

По нашему предположению, господин Лило – это еще одно воплощение чёрта в русской литературе, персонажа, которым Гиппиус была очарована и с которым боролась, по ее собственным словам, в своих произведениях.

К.М.Азадовский и А.В.Лавров пишут об этом так: «Борьба с Дьяволом занимала огромное место в духовном мире Гиппиус; постоянно терзавшие ее муки сомнения она связывала с властью Дьявола над душой. «Реально чувствую, как соблазняет меня Дьявол, - пишет она Д.В.Философову 17 июля 1905 года. - <...> Говорю с ним и спорю единственно, как умею – умом. Но дьявол никогда не глупее человека, к которому приставлен. <...> Во всяком случае, мой черт поумнее меня, и ничего я с ним логикой не поделаю» [1, с. 2].

Прервем цитату и обратимся к дневникам Гиппиус, в которых эта тема также занимала большое место. Скажем, в «Литературном дневнике (1899 – 1907)» в главке «О пошлости» она замечает, что Достоевский «чуял холод провалов мира, как никто. Он так и называл пошлость – чертом, т.е. противомирным началом в мире же, вечно стремящимся в мир, чтобы в самом сердце его бороться с ним, с его движением вперед, с его жизнью. Карамзовский черт очень хочет войти в мир, – пишет Гиппиус, – «воплотиться в семипудовую купчиху», и так, чтобы уж «навсегда». Хочет прочности, неподвижности. Ему неуютно в пространстве, да и нелепым кажется болтаться так бесцельно, когда можно устроить посреди самого мира еще один провальчик, посреди жизни утвердить еще немного смерти» [3, т. 1, с. 268].

«Не удивительно, – продолжают исследователи, – что «карамазовский» черт в рассказах Гиппиус так тонок в суждениях и способен к «диалектике» самого трудного разговора. В беседе с Иваном Ивановичем (опять-таки полная аналогия с Достоевским!) он философствует о существовании Бога, о любви и жалости, о текущих житейских делах. Впрочем, чёрт выступает здесь в своеобразной роли. Именно он разглагольствует перед Иваном Ивановичем, целиком погруженным в общественную деятельность (рассказ написан на рубеже 1905 и 1906 годов), о возможности счастья в мире, устроенном «по любви», о ненужности «закона и права». Все эти убаюкивающие проповеди неподвижности жизни были для Гиппиус неприемлемы...» [1, с. 29].

Воссоздание в рассказе того же времени, когда была написана пьеса «Нет и да», «карамазовского» чёрта, дает нам возможность думать, что он «воплотился» уже не в «купчиху», а в господина Лило. И господин Лило способен к «диалектике», и он ведет себя развязно и игриво, и он рассуждает, в его поведении и мыслях «легкость необыкновенная», как у одного из его прообразов.

Напомним, что Черт говорит Ивану: «Я человек оклеветанный. Вот ты поминутно мне, что я глуп. Так и видно молодого человека. Друг мой, не в одном уме дело! У меня от природы сердце доброе и веселое, «я ведь тоже разные водевильчики». Ты, кажется, решительно принимаешь меня за

последнего Хлестакова, и, однако, судьба моя гораздо серьезнее. Каким-то довременным назначением, которого я никогда разобрать не мог, я определен «отрицать», между тем я искренно добр и к отрицанию совсем не способен... [7, т. 10, с. 169]. Эта связь между персонажем Достоевского и героем комедии Гоголя Хлестаковым открывает еще одну линию для сопоставлений.

Гиппиус оказалось близким осознание этого персонажа «Ревизора» как одного из воплощений дьявольского и пошлого. Наиболее развернуто такая интерпретация представлена в книге Д.С.Мережковского «Гоголь и черт», выпущенная в свет в 1906 г., а до этого печатавшаяся частями в периодической печати [10]. Однако было бы неверно утверждать, что Гиппиус почерпнула эту идею из исследования своего супруга. Хотя в сознании современников и утвердилась мысль, что она была лишь «послушной исполнительницей и деятельной пропагандисткой того декадентского катехизиса, который вырабатывался главным образом Мережковским» [10, с. 6], думается, заслуживают внимания и другие мнения.

Как писал, например, секретарь Мережковских В.А.Злобин, «она очень женственна, он – мужествен, но в плане творческом, метафизическом роли перевернуты. Оплодотворяет она, вынашивает, рождает – он. Он – семя, он – почва, из всех черноземов плодороднейший» [цит. По 10, с. 6]. Как бы ни решался вопрос о ведущей роли в этом союзе, главным остается несомненная общность идей, подходов, интерпретаций, которая проявилась и в пьесе «Нет и да».

Скажем, для Мережковского Хлестаков и Чичиков «суть два современные русские лица, две ипостаси вечного и всемирного зла — «бессмертной пошлости людской». По слову Пушкина: То были двух бесов изображенья. Вдохновенный мечтатель Хлестаков и положительный делец Чичиков — за этими двумя противоположными лицами скрыто соединяющее их третье лицо, лицо черта «без маски», «во фраке», в «своем собственном виде», лицо нашего вечного двойника...» [10].

В книге Мережковского дано такое понимание пошлого и дьявольского, которое соответствует представлениям Гиппиус, воплощенным в ряде ее прозаических произведений и в этой пьесе. «Бог есть бесконечное, конец и начало сущего, - пишет Мережковский, - черт - отрицание Бога, а следовательно, и отрицание бесконечного, отрицание всякого конца и начала; черт есть начатое и неоконченное, которое выдает себя за безначальное и бесконечное; черт — ноуменальная середина сущего, отрицание всех глубин и вершин — вечная плоскость, вечная пошлость» [10]. Утверждая, что единственный предмет гоголевского творчества и есть черт именно в этом смысле, то есть как явление «бессмертной пошлости людской», созерцаемое за всеми условиями местными и временными — историческими, народными, государственными, общественными,— явление безусловного, вечного и всемирного зла; пошлость *sub specie aeterni*, «под видом вечности» [10], Мережковский связывал воедино слова карамазовского Черта и гоголевского

персонажа, открывая возможности для новой интерпретации, которую и осуществила Гиппиус.

«Литература»

1. Азадовский К.М. З.Н. Гиппиус: метафизика, личность, творчество / К.М. Азадовский, А.В. Лавров // Гиппиус З.Н. Сочинения. Стихотворения. Проза. – Л.: Художественная литература, 1991. – С. 3 – 44.
2. Гарбар М.А. Творчість З. М. Гіппіус 1911 – 1921 рр.: автореф. дис. На здобуття наук. ст. канд. філ. Наук: спец. 10.01.02 «Російська література». – Харків, 2001. – 180 с.
3. Гиппиус З. Литературный дневник (1899 – 1907) / Зинаида Гиппиус. Дневники: в 2-х тт. [Под общ. ред. Н.А. Николюкина, вст. ст. Н.А. Николюкина]. – Т. 1. – М.: НПК «Интелвак», 1999. – С. 165 – 366.
4. Гиппиус З. Зеленое – белое – алое / Зинаида Гиппиус. Пьесы [Предисл. М. Безродного]. – Л.: Искусство, 1990. – С. 163 – 171.
5. Достоевский Ф.М. Идиот [Текст] / Федор Михайлович Достоевский. Полн. собр. соч.: в 30-ти тт. [Редкол. В.Г. Базанов (гл. ред.) и др.]. Т. 8. Идиот. Роман [Текст подг. И.А. Битюгова, Н.Н. Соломина]. – Л.: Наука (Лен. отд.), 1974. – 511 с.
6. Достоевский Ф.М. Бесы [Текст] / Федор Михайлович Достоевский. Полн. собр. соч.: в 30-ти тт. [Редкол. В.Г. Базанов (гл. ред.) и др.]. Т. 10. Художественные произведения. Бесы [Текст подг. Н.Ф. Буданова]. – Л.: Наука (Лен. отд.), 1974. – 519 с.
7. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Федор Михайлович Достоевский. Собр. соч.: в 10-ти тт. [Под ред. Л.П. Гроссмана и др.]. Т. 10. Братья Карамазовы. Ч. 4. Эпилог. Произведения 1873 – 1880 гг. [Подг. текста А.П. Гроссмана и др., прим. Л.П. Гроссмана]. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958. – 622 с.
8. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / Федор Михайлович Достоевский. – Махачкала, Дагестанское книжное изд-во, 1971. – 431 с.
9. Жарикова О.А. Поэтика та естетика З.М. Гіппіус: автореф. дис. на здобуття наук. ступ. канд. філ. наук.: спец. 10.01.02 «Російська література» / Ольга Александровна Жарикова. – Дніпропетровськ, 2002. – 18 с.
10. Мережковский Д.С. Гоголь и черт (Исследования) / Дмитрий Сергеевич Мережковский. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет [Сост. Е.А. Данилова]. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 213 – 309.
11. Носова Ю.В. Драматургия Зинаиды Гиппиус: автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата искусствоведения: спец. 17.00.01 «Театральное искусство» / Носова Юлия Викторовна. – Москва, 2007. – 24 с.
12. Орлова М.В. Литературная критика З.Н. Гиппиус: К вопросу об эстетических позициях: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук

спец. 10.01.01 «Русская литература» / Моника Викторовна Орлова. – Коломна, 2006. – 16 с.

Анотація:

Мунтян Е.Б. Втілення «бісівського» в п'єсі З.М. Гіппіус «Ні і так»

Дослідники творчості З.М.Гіппіус називають тему поєднання двох протилежних початків, поєднання того, що неможливо поєднати – бога і чорта, однією з ключових тем її творів. У цій статті особлива увага приділяється розгляду образу чорта в п'єсі Гіппіус «Нет и да», як ще одне втілення, ще одна інтерпретація чорта в російській літературі. Здійснюється спроба знайти спільне з цього приводу з творами Достоевського і Гоголя. Важливим в цьому відношенні є розуміння того, яку роль відігравала Гіппіус в творчому союзі Мережковський – Гіппіус. В статті аналізуються різні погляди її сучасників стосовно особливостей цього творчого тандему.

Ключові слова:

Поєднання неможливого, інтерпретація образу чорта, творчий союз, різні погляди сучасників.

Аннотация:

Мунтян Е.Б. Воплощение «дьявольского» в пьесе З.Н.Гиппиус «Нет и да».

Исследователи творчества З.Н.Гиппиус называют тему соединения двух противоположных начал, соединение несоединимого – бога и черта одной из ключевых тем ее произведений. В этой статье особое внимание уделяется рассмотрению образа черта в пьесе Гиппиус «Нет и да», как ещё одно воплощение, ещё одна интерпретация черта в русской литературе. Производится попытка найти точки соприкосновения по этому вопросу с произведениями Достоевского и Гоголя. Важным в этом отношении является понимание того, какую роль играла Гиппиус в творческом союзе Мережковский – Гиппиус. В статье анализируются разные мнения ее современников об особенностях этого творческого тандема.

Ключевые слова:

Соединение несоединимого, интерпретация образа черта, творческий союз, разные мнения современников.

Summary:

The researchers of Z.N. Gippius' literary works consider the topic of the combination of two opposites, the combination of something that can never be combined – God and the Devil - as one of the key topics of her works. In this article special attention is paid to the study of the phenomenon of the Devil in Gippius' play "No and Yes" which is considered to be another presentation and interpretation of the Devil in Russian literature. The present article is an attempt at revealing the connection between Gippius' views and Dostoyevsky's and Gogol's works on this subject. It is essential to realize what role Gippius played in the creative union Merezhkovsky – Gippius. In the article various views of her contemporaries on the peculiarities of this creative tandem have been analyzed.